Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 3 | ISSN: 2658-7734
Сеть: связь, резонанс, контроль | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.585

Local “Memory Wars” and the Phenomenon of “Cancellation” in the Media of “Accommodative Culture” (Case of Republic of Tatarstan)

Alexander V. Ovchinnikov

Tomsk State University; Kazan State Power Engineering University. Tomsk, Kazan, Russia.
Email: ovchinnikov8_831[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-0831-0786

Received: 21 October 2024 | Revised: 10 February 2025 | Accepted: 18 February 2025

Abstract

The article examines the problem of theory and practice of studying the internal Russian regional “memory wars”, which unfold, as a rule, in the local media and are accompanied by the phenomenon of “corporate cancellation”. It is stated that today the analysis of the ideological content of “memory wars” (“what is being argued about”) prevails in scientific practices of solving this problem, whereas it is more important to understand the socio-political mechanisms of the emergence of “conflicts of the past” in specific conditions of a non-“agonal” (not “Western”) types of culture.

The aim of the study is to create a methodological model for analyzing the internal Russian regional “memory wars”. As a result of the research, the main provisions on the study of “memory wars” in the media of “accommodative culture” and the predominance of “corporate cancellation” mechanisms over the “culture of cancellation” were formulated. The dispute is going on between “Bulgarians” and “Tatars” about the origin of the Tatars and the difficulty of official recognition of the Kryashens (“Tatars- christians”) as a people other than Tatar, as well as polemics continues between Ufa and Kazan scientists about the ethnicity of the population living in the northwestern territories of contemporary Bashkortostan and about some archaeological objects located there. The main conclusion of the study is the statement of the secondary role of the factual content of the “memory wars”, the “deep” specifics of which are determined by “external” socio-political and even economic conditions, expressed in the implementation of “corporate abolition”. This conclusion is intended for the attention of social philosophers, anthropologists and historians.

Keywords

Wars of Memory; Cancellation; Culture of Cancellation; Corporate Cancellation; Agonistic Culture; Accommodative Culture; Battle of Historians; Kryashens; Chishminsky Mausoleums; the North-Western Dialect of the Bashkir Language

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 3 | ISSN: 2658-7734
Network: Connection, Resonance, Control | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.585

«Войны памяти» местного значения и феномен «отмены» в медийных условиях «аккомодативной культуры» (кейс Республики Татарстан)

Овчинников Александр Викторович

Томский государственный университет; Казанский государственный энергетический университет. Томск, Казань, Россия. Email: ovchinnikov8_831[at]mail.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0003-0831-0786

Рукопись получена: 21 октября 2024 | Пересмотрена: 10 февраля 2025 | Принята: 18 февраля 2025

Аннотация

Исследуются проблемы теории и практики изучения внутрироссийских региональных «войн памяти». Они разворачиваются, как правило, в местном массмедийном пространстве и сопровождаются феноменом «корпоративной отмены». Констатируется, что на сегодняшний день в научных практиках решения означенных проблем преобладает анализ идейного содержания «войн памяти» («о чем спорят»). По мнению автора, важнее понять социально-политические механизмы возникновения «конфликтов о прошлом» в специфических условиях не «агонального» («незападного») типа культуры. Целью исследования является создание методологической модели анализа внутрироссийских региональных «войн памяти». В результате исследования были сформулированы основные положения по изучению этого феномена в медийных условиях «аккомодативной культуры» и преобладания «корпоративной культуры» над «культурой отмены». С новых теоретических позиций проанализированы спор между «булгаристами» и «татаристами» о происхождении татар, сложности официального признания кряшен («крещеных татар») «отдельным народом», полемика между уфимскими и казанскими учёными об этнической принадлежности проживающего на северо-западных территориях современного Башкортостана населения. Главным выводом стало утверждение о второстепенной роли фактологического содержания «войн памяти», «глубинную» специфику которых определяют «внешние» социально-политические и даже экономические условия, выражающиеся в практиках «корпоративной отмены». Данный вывод рассчитан на внимание социальных философов, антропологов и историков.

Ключевые слова

войны памяти; отмена; культура отмены; корпоративная отмена; агонистическая культура; аккомодативная культура; битва историков; кряшены; Чишминские мавзолеи; северо-западный диалект башкирского языка

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

Актуальность изучения «войн памяти» как прежде всего политического феномена (Давиденко, 2022) обусловлена их широким общественным резонансом. Он может способствовать формированию негативного образа отдельных государств и этносоциальных групп, а также быть составляющей «квазиобоснования» различных, даже военного характера, практик. В цифровой век негативные последствия «войн памяти» и вовлеченность в них значительно возрастают. Доступность массмедиа, возможность почти каждому (например, через комментирование) участвовать в формировании контента, превращают споры о прошлом из удела отдельных интеллектуалов (как то было ранее, например, в случае споров богословских) в массовое явление.

В реалиях современной федеративной России особо опасны актуализируемые СМИ региональные или даже межрегиональные «войны памяти». Они не способствуют единству соседствующих элит, а иногда ставят вопрос об «исторической» легитимности государственных органов власти на отдельно взятой территории. Особо следует отметить, что «войны памяти» сложно разделить на академические споры и перепалки публицистов. Даже в том случае, если дискутируют учёные, законы логики в запале полемики не всегда соблюдаются. Их перевешивают эмоциональные переживания и политическая целесообразность.

Понятие «войн памяти», на мой взгляд, корректно применить для характеризуемых далее социально-политических явлений. В отличие, например, от внешне нейтрального «мнемонического (мемориального) конфликта», оно является «*общеупотребительным в современных исследованиях коллективной памяти для характеристики ее конфликтности*» (Давиденко, 2022, с. 85). Оно также устоялось в посвященной постсоветскому пространству литературе (Бордюгов, 2011) и позволяет вести дискуссию на «одном языке». Оно эвристически ценно для компаративистских исследований, хотя понимание термина разными авторами часто зависит от методологии и целей их работ (это заставляет с осторожностью подходить к попыткам выработки однозначного определения термина). «Войн памяти» не бывает без порождающих их межэлитных противоречий, которые, в крайнем случае, могут разрешаться демонстрацией или применением подконтрольных экономических, политических и иных (в том числе силовых) ресурсов (см. многочисленные примеры республик бывшего СССР). Сами участники «войн памяти» склонны воспринимать свою академическую и медийную активность в качестве не «конфликта», а именно «войны», неких «символических боевых действий». Например, спор между «булгаристами» и «татаристами» в Татарстане его участники называли «академической войной» или «битвой историков»

(Исхаков, 2011), а дискуссию об этнокультурной атрибуции золотоордынских мавзолеев в Башкортостане «эпизодами войн памяти»[1].

Российские «войны памяти» не являются частью агонистической культуры, в рамках которой, как известно, в «споре рождается истина»[2]. Это обусловливает важность поиска новых оснований теоретического анализа. Одним из них мог бы стать концепт «культуры отмены», который все активнее используется в общественном и научном дискурсах, а также на страницах СМИ (Broder, 2024).

«Войны памяти» можно интерпретировать как «отмену» того или иного исторического персонажа или целого исторического нарратива другого народа или государства. Важной проблемой является выяснение механизма «отмены». Стремление его понять привело меня к попытке обосновать новый, на мой взгляд, более адекватный для российских условий концепт «корпоративной отмены» (Овчинников, 2023). Корпоративная отмена не является следствием «внутренней логики» развития науки, не зависит от накопленных научных фактов. Она кардинальным образом отличается от описанных Т. Куном смен парадигм в ходе научных революций (Kuhn, 1970). Подобную отмену сложно анализировать в рамках «западной» агонистической культуры. Исходя из этого, мною предложено понятие «аккомодативной культуры». Оно учитывает социальные аспекты конструирования содержания исторических мифов. В известном фундаментальном труде В. А. Шнирельмана о «войнах памяти» решающий акцент был сделан на изучении «борьбы идей» в контексте противостояния элит (Шнирельман, 2003), тогда как, на мой взгляд, сами идеи были лишь «эхом» определённых социально-политических практик.

Таким образом, заявленный в формулировке темы комплексный анализ «войн памяти» и феномена «отмены», а также порождающих их условий, в том числе массмедийных, является актуальным объектом изучения как в академическом, так и общественно-политическом дискурсах.

Методология исследования

Применимое для развитого гражданского общества понятие «культура отмены» не отражает российской действительности. Для последней не характерно наличие многих «договаривающихся» об «отмене» акторов. Наоборот, существует один или несколько центров силы, взаимодействие с которым или между которыми запускают механизм «отмены». Например, дискуссии о минувшем являются результатом взаимодействия многих корпораций (от профессиональных академических до массмедийных), сгруппированных под патронажем Федерального центра и регионов. Массмедиа выступают

1 «Эпизоды войн памяти»: смогут ли татары отстоять свое культурное наследие? (2023, октябрь 29). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/611996

2 Феномен агона (от древнегреческого ἀγών – борьба, состязание) – имманентная составляющая «западного» мира, с возникшим здесь же современным социальным институтом науки и официально допускаемыми (не ритуальными с предрешенными итогами) дискуссиями.

частью механизма «отмены», но ни в коем случае не самостоятельным, тем более инициативным, игроком.

«Корпоративная отмена» представляется удачным теоретическим концептом. Он позволяет учесть «слабость» отдельных индивидов и их добровольных ассоциаций в инициировании и осуществлении «отмены». Её практики, как отмечалось выше, не укладываются в стандарты агонистической культуры. Для подобных реалий, на мой взгляд, более корректно понятие «аккомодативной» (от латинского “accomodatio”, т.е. «приспособление») культуры. Оно учитывает результирующие в соответствующие мировоззрение и социальное поведение зависимость человека от коллектива и необходимость приспособления к нему. Одними из самых значимых коллективов, от которых считаются априори зависимыми и к которым причисляют, иногда без согласия на то, по факту рождения, являются этнические группы (в России они обычно именуются «этносами» или «национальностями»).

Современные внутрироссийские «войны памяти» (как и на всем постсоветском пространстве) почти всегда ведутся в рамках аккомодативного этнонационального дискурса, т. е. этнической картины мира (Бордюгов, 2011). В этой системе координат этничность позиционируется важнейшей характеристикой человека и наделяется почти сакральными свойствами. В мифическом этническом времени прошлое и настоящее тесно связаны: первое плавно переходит во второе и, якобы, «объясняет» его. С научной же точки зрения (речь идёт о конструктивизме) всё наоборот: здесь и сейчас конструируются представления «о минувшем», которые используются в актуальном социально-политическом взаимодействии. Поэтому неудивительно, что в формировании этноориентированного прошлого главную роль играют сильные политические акторы. В качестве сильнейшего из них в России традиционно выступает государство.

Создаваемая политическими и интеллектуальными элитами этноориентированная картина прошлого структурно совпадает с основными характеристиками мифа. Согласно К. Леви-Строссу, в мифе присутствуют уравновешиваемые медиатором бинарные оппозиции (Леви-Стросс К, с. 262-264). Бинарность мифа могла стать отправной точкой начала процессов социального обмена, для которого также характерно наличие антагонистических, но взаимодействующих друг с другом, сторон.

«Отмена» означает исключение из обменных процессов одной стороны. Практически любая мифологическая и идеологическая система подразумевает наличие актанта «отмены». «Отменённое» или «отменённые» служат своеобразным «трамплином» для «раскручивания» дальнейшего «объясняющего повествования». В качестве примера можно привести «отмену» по итогам титаномахии богов-титанов во главе с Кроносом младшим поколением возглавляемых Зевсом олимпийских богов в древнегреческой мифологии[1],

1 Миф об оказавшихся в изоляции в Тартаре, но при этом живых некоторых титанах, на мой взгляд, отражает реальные практики отмены как исключения из процессов социального и иных видов обмена.

современности в мифе о «золотом веке» или в утопиях, других «цивилизаций» при т. н. «цивилизационном понимании истории». Видимо, «отмена» служит внешним выражением бинарности мифа. Социальный характер, на мой взгляд, носит и медиатор, который «примиряет» противоречия, вернее, удерживает их в нужном ему радиусе бриколажа.

Сильный медиатор цементирует бинарные оппозиции, не позволяя одной логически «отменить» другую и тем самым завершить дискуссию. Возможно, в этом дискурсе можно анализировать изучаемые социальными психологами различия между «восточной» «холистической» (ориентированной на окружающий контекст) и «западной» «аналитической» (стремящейся к логической непротиворечивости) системами познания мира (Нисбетт, 2011). Это также выражается в коллективистских типах общественного взаимодействия, недемократических политических режимах и, что важно в контексте данной статьи, замене методологии обществоведческих наук неверифицируемыми мифологемами и идеологемами.

Ожесточённость «войн памяти» можно объяснить столкновением разных заключённых в бриколаж особыми социально-политическими условиями исторических нарративов. Например, с 1990-х гг. серьёзную роль в структуре российской политической элиты играют её региональные группы со своими вполне очерченными идеологическими интересами, частью которых являются конструкты истории. Региональное официальное историописание в новой России прошло неоднозначный путь от стремления к «суверенности» до нынешнего встраивания в общероссийский исторический канон с одновременным сохранением «автономии» (Овчинников, 2023). Источники свидетельствуют о том, что такое «творчество» – не инициатива отдельных «несистемных одиночек» с ограниченными ресурсами по академической «легитимации» и широкому распространению своих взглядов. Это «корпоративный продукт», в производстве и трансляции которого участвуют тесно связанные друг с другом местные административные, академические, образовательные, общественно-политические организации и особенно массмедиа.

В условиях активного внутри- и межкорпоративного взаимодействия содержание конструктов прошлого оказывается в тесной зависимости от множества факторов, причём очевидная формула: «Местное начальство сказало, местные историки написали, местные СМИ распространили», – оказывается упрощённой. «Войны памяти» связаны не столько с тем, что противоборствующие стороны хотят доказать друг другу, сколько с часто скрытой от посторонних логикой корпоративного существования. Здесь большую роль играет фактор «корпоративной отмены» отдельного автора, идеи или комплекса взглядов, целого академического учреждения (примеры чего в большом количестве можно найти в истории советской науки).

Учитывая, что содержание мифа – прямое продолжение породивших его социально-политических и экономических условий, вполне оправдано

выдвинуть гипотезу о региональных «войнах памяти» как следствии специфической организации академических сообществ, особенностей рекрутирования в их ряды, а также межкорпоративного взаимодействия различных дискретных внутри, но вертикально соподчинённых корпораций: от властных до СМИ. Такой подход позволяет уйти от «этнического» объяснения «войн памяти»[1] и приблизиться к пониманию корпоративной идентичности, которая преобладает над общенациональной (т. е. общероссийской).

В современных memory studies выделяют антагонистический (конфликтный), космополитический и агонистический режимы памяти и связывают их с типами политических режимов (Летняков, 2023). Авторитарные политии склонны «конфликтовать о прошлом» с соседями, но исследователи мало обращают внимание на то, что внутри таких нарративов обычно царит почти полное согласие, хотя и имеются потенциально бинарные оппозиции Примером тому являлись истории автономных и союзных республик внутри «истории СССР». Согласно предлагаемой мною теоретической модели, их конфликтогенный потенциал сглаживался медиатором коммунистической идеологии, в свою очередь, непримиримой к «буржуазным фальсификаторам истории».

В космополитическом режиме памяти медиатором служат не всеми признаваемые общечеловеческие нормы морали и этики. Потенциальная возможность конфликта здесь не исчезает, что делает данный режим памяти схожим с антагонистическим. В обоих случаях имеет место попытка фиксации определённой модели прошлого, которая рано или поздно вступает в противоречие с современными актуальными реалиями и приводит к «войнам памяти». Эти два режима памяти так или иначе «отменяют» историю как науку, вынуждая её подстраиваться под иррациональные постулаты. Представляется оправданным объединить антагонистический и космополитический режимы памяти в рамках понятия аккомодативной культуры, что позволит учитывать политические и психологические аспекты воображения прошлого.

Агонистическая память (Bull & Hansen) основана на признании свободы и равноправия (Erll, 2009) всех акторов конструирования истории, которая таким образом не застывает в некой «правильной схеме», а представляет собой процесс «постоянных состязательных переговоров» о прошлом. Профессиональные историки оказываются лишь одной из сторон регулярного состязания, с уважением относясь к правам других его участников (государств, этнических и гендерных групп, меньшинств и т.д.). В аккомодативной же культуре прошедшее один раз «соревнование» на долгое время определяет «мнемонического победителя», при этом на постоянной основе отказывая в реванше «проигравшим» (см., например, образы российских дореволюционных политических партий в советской исторической науке).

1 На мой взгляд, это то же самое, что пытаться объяснять миф схемами другого мифа.

Медиасреда является оптимальной площадкой для реализации норм агонистической культуры. Имеющиеся здесь «правила игры» позволяют регулярно соотносить прошлое с настоящим и осуществлять механизмы «культуры отмены». Принципиально иное положение дел в массмедиа аккомодативной культуры, которые, как и все участники игры, подстраиваются под один «центр силы» и становятся одним из многих звеньев корпоративной отмены.

В подтверждение выдвигаемых теоретических положений далее приведены наиболее показательные кейсы «войн памяти» в Татарстане. Их реальные причины возникновения так или иначе заключаются в корпоративной отмене и связаны с медийными условиями аккомодативной культуры.

Выбор Татарстана в качестве объекта рассмотрения не случаен. Ещё в советское время здесь начал складываться свой канон этнонациональной истории, до поры находившийся в общих рамках «истории СССР» (Овчинников, 2017). Однако он уже тогда вступал в конфликт с этнонациональными нарративами других поволжских автономных республик. Примером тому могут служить активизировавшиеся в 1960-х гг. споры о «татарской» и «чувашской» составляющей «булгарского наследства».[1] С начала 1990-х гг. «История Татарстана и татарского народа» характеризовалась почти полной самостоятельностью и конфликтогенностью даже с общефедеральным историческим каноном.

В развитии регионального нарратива за последние 35 лет четко фиксируется ряд кейсов, отражающих социально-политические аспекты их конструирования и взаимодействия в виде «войн памяти» с узловыми точками других исторических нарративов. Первоначально речь пойдет о споре «булгаристов» и «татаристов», фактически обозначившем переход от автохтонизма к евразийским масштабам и повышение прежнего статуса Татарстана в составе Российской Федерации. Далее анализу подвергнется отказ от признания «истории кряшен» в качестве равной по академичности «истории татар», что свидетельствовало о внутрирегиональном монопольном укреплении позиций идеологемы «единой татарской нации». Наконец, будет исследована дискуссия между историками и языковедами Казани и Уфы об этноязыковой принадлежности населения современных северо-западных районов Башкортостана. Благодаря внушительному «информационному следу» эта «война памяти» детально осветила механизмы взаимодействия политических и академических элит Татарстана.

После рассмотрения основных кейсов будут намечены контуры нескольких новых, анализ которых в будущем, как я надеюсь, позволит развить выдвинутые в данной статье теоретические положения.

1 Интересным источником о дискуссиях между казанскими и чебоксарскими учеными служат частично опубликованные мною материалы писем основателя советского булгароведения А.П. Смирнова (1899-1974) (хранятся в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета (Овчинников, 2008, с. 273-278)).

«Битва историков» в общественном и академическом пространстве Татарстана 1990-х гг.

Эта «битва» связана с внутрикорпоративным замещением (корпоративной отменой) в структурах Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) «старого» поколения историков и филологов («булгаристов») более «молодым» («татаристами»). К сторонникам «булгарской версии» происхождения татарского народа относились, прежде всего, М. З. Закиев (1928–2023) и С. Х. Алишев (1929–2015). Отстаиваемая ими точка зрения в советское время соответствовала идеологическим запросам как союзного руководства, так и местных элит, что обусловливало нормальное функционирование «экономики производства» символического капитала, когда последний обменивался на «околономенклатурные» блага.

Условия для запуска механизма корпоративной отмены сложились в конце 1980-х гг., когда контроль союзного центра ослаб, а руководство тогда ещё Татарской Автономной Советской Социалистической Республики задумалось о большей самостоятельности в своих внутренних политических и, главное, экономических делах. «Булгарская версия» происхождения татар в качестве символического капитала явно обесценивалась, что совпало с назревшей в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР сменой поколений. Относительно «молодые» сотрудники корпорации (Д. М. Исхаков (род. 1951 г.), Р. Г. Фахрутдинов (1937–2014), И. Л. Измайлов (род. 1960 г.) и др.), действуя в рамках проходившей параллельно «революции вторых секретарей», выступили с инициативой «отмены» «булгарской теории» и (в административном плане) самих «булгаристов» (М. З. Закиев в 1986–1996 гг. являлся директором ИЯЛИ, а в 1980–1990 гг. Председателем Верховного Совета ТАССР).

Предложенный «татаристами» идеологический конструкт условно можно назвать «ордынской версией происхождения татарского народа». Он выводил Татарстан за пределы средневолжской советской автономии на широкие просторы Евразии, и одновременно создавал основы концепта «единой татарской нации». «Предшественниками» государственности, кроме относительно скромной по занимаемой площади Волжской Булгарии, объявлялись крупнейшие политии древнего и средневекового мира.

В публичном пространстве СМИ, а также в скрытых от посторонних «коридорах власти» между «булгаристами» и «татаристами» и их «патронами» началась ожесточённая «война памяти», риторика которой часто выходила за академические рамки.[1] Например, в феврале 1993 г. на годовом собрании АН РТ «булгарист» академик М. З. Закиев обвинял своих оппонентов «татаристов» в том, что те «*начали действовать через президентский аппарат*». Он призвал Президента РТ М. Ш. Шаймиева обратить внимание на своего

1 См. также: Открытое письмо деятелей науки и культуры Президенту Татарстана М. Ш. Шаймиеву (1996, май 17). *Крис*.

советника по политическим вопросам (Исхаков, 2011). Стенографически его слова звучали следующим образом:

> «Некоторые татарские историки, не изучая никаких первоисточников, стараясь понять лишь труды европоцентристов, начали делать упор на том, что предки татар являются непременно пришельцами, а именно татаро-монгольскими завоевателями края. Как ни странно, такое направление в татарской истории усилилось после того, как Жириновский заявил, что, если он придет к власти, первым делом сошлет татар в Монголию, т.е. туда, откуда они пришли и, якобы, завоевали Поволжье. Сейчас эту концепцию – «татары-пришельцы» – даже рекомендуют в школьные учебники.
>
> Естественно, научно доказать правильность этого традиционного хлама они не смогли, но нашли другой путь – начали действовать через президентский аппарат.
>
> У нас в ИЯЛИ работает один кандидат – фамилия его Исхаков, у которого отсутствуют установившиеся взгляды на историю. Вот именно его Советник Президента (М. Ш. Шаймиева, - А. О.) Хакимов признал своим учителем и советником.
>
> При его помощи этот кандидат и путаник в науке и ещё 1–2 кандидата делают нажим на историков от имени Президента, чтобы историки не посмели выступать против их концепции о том, что предки татар – это татаро-монгольские завоеватели, пришельцы не имеют корней на этой земле, и дали согласие на включение этой концепции в школьные учебники.
>
> Я никогда не поверю тому, что Минтимер Шарипович (Шаймиев, — А. О.) настаивал на подрыве этнических корней своего народа на своих исконных землях.
>
> По-видимому, научная неразбериха идет на уровне его советника, который, откровенно игнорируя Отделение гуманитарных наук (АН РТ, - А.О.), научную политику ведет на уровне несостоявшихся ученых и нередко даёт зеленую дорогу традиционному хламу».[1]

Полемичные статьи печатались в популярных газетах и журналах, на некоторые из которых ещё с советского времени трудовым коллективам подписка была обязательна: «Казань»[2], «Молодежь Татарстана»[3], «Идель»[4], «Татар иле»[5], «Татарстан»[6].

Объёмные газетные и научные публикации, в отличие от ситуации культуры отмены, мало могли повлиять на «отмену» «булгарской версии». Скорее всего, это были «показательные выступления», способ «докричаться» не до «в добровольно-принудительном» порядке выписывающих печатную

1 Исхаков, Д. (1996). Был ли питекантроп татарином (или об академических завихрениях). *Молодежь Татарстана*, 16, 4

2 Фахрутдинов, Р. (1991). Золотая Орда и история татар. *Библиотека журнала «Казань»*, 9-10.

3 Измайлов, И. (1996) Будет ли преодолен кризис? *Молодежь Татарстана*. 24. 4; Закиев, М. З. (1996). Кем пишется татарская история и как? *Молодежь Татарстана*, 30, 4,5.

4 Исхаков, Д. (1996). О концептуальных проблемах создания истории татарского народа. Как нам писать свою историю? *Идел*, 3-4, 41-45.

5 Исхаков, Д. (1991). «Черное» постановление, или о духовном геноциде татарского народа. *Татар иле*, 10, 2.

6 Исхаков, И. & Измайлов, Д. (1995). Урок полуграмотной истории. *Татарстан*, 9, 102-111.

продукцию членов трудовых коллективов, а до «главного читателя». Он находился «у руля» перераспределения ресурсов и мог сделать «знаки на бумаге» частью обменных процессов.

Исходя из разрабатываемой теоретической модели, можно утверждать, что в официальном повествовании об истории Татарстана и татарского народа в силу определённых социально-политических условий сложились две антагонистические составляющие, временно удерживаемые медиатором в лице политической элиты региона. В ходе осуществления механизма корпоративной отмены «булгарская версия происхождения татар» была «отменена».

«Ордынский миф» смог стать легальным символическим капиталом, только включившись в межкорпоративный обмен академического сообщества и власти. Представляется неслучайным, что за, казалось бы, внутренним делом научного учреждения наблюдал первый Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев. За ним было «последнее слово медиатора» во внешне научном споре. Властные корпорации региона, исходя из своих идеологических интересов, избрали «татаристскую» («ордынскую») версию истории и «этногенеза» (подробную фактологию дискуссии (см.: Исхаков, 2011).

«Последним аккордом» корпоративной отмены «булгаризма» стало выделение в 1996 г. из состава ИЯЛИ, согласно официальному Указу М. Ш. Шаймиева, Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Его директором был назначен упоминавшийся Советник Президента Татарстана по политическим вопросам, один из активных идеологов суверенитета республики в начале 1990-х гг., философ и физик по базовому образованию Р. С. Хакимов. Новая организация стала проводником «татаризма», превратившегося в важную составляющую идеологии региона. Отменённый «булгаризм» официально оказался уделом «публицистов-непрофессионалов». Такой процесс мог осуществиться только в медийных условиях аккомодативной культуры. Массмедиа агонистической культуры предоставили бы «булгаристам» гораздо больший простор для маневра.

Затруднения в реализации права на кряшенскую идентичность

Эти затруднения связаны с отсутствием (по крайней мере, до недавнего времени) у кряшенского национального движения поддерживающих его властных и академических структур. Это явно осложняло «сопротивляемость» корпоративной отмене.

Люди с кряшенской этнической идентичностью считают себя православным тюркоязычным народом, который в силу ряда причин сегодня причисляют к «единой татарской нации».[1] За пределами Татарстана многие

1 Амелина Я. (2010, ноябрь 12). «Я душой русский, сердцем — татарин». Всероссийская перепись населения-2010 и кряшены. *Интернет-газета «Столетие». Информационно-аналитическое издание Фонда Исторической перспективы.* https://www.stoletie.ru/obschestvo/ja_dushoj_russkij_serdcem--tatarin_2010-11-

исследователи присоединяются к мнению об «отдельном народе» (Илизарова, 2013). Важно отметить, что в данном случае значимы не научные категории и классификации, а мнение самих носителей идентичности.

В официальном академическом дискурсе Татарстана кряшены – крещёные после падения в 1552 г. Казанского ханства татары. Их предки, якобы, исповедовали ислам (Становление, 2022).

«Кряшенский вопрос» наиболее остро «резонировал» в 2001-2002 гг. в преддверии и ходе Всероссийской переписи населения. Институт этнологии и антропологии РАН не нашёл препятствий для фиксации в переписных листах «самостоятельной» этнической группы «кряшены». Такое положение дел вызвало недовольство в Казани и было расценено как попытка «разрушить единство татарской нации».

На страницах региональной печати и академических изданий появились сотни публикаций, в которых доказывалась «татарскость» кряшен (Соколовский, 2009, с. 55–68). Слаженность «корпоративной отмены» демонстрируют подсчеты составителя библиографического указателя по кряшеноведению Т. Г. Дунаевой (2008). Например, в 2001 г. из 500 вышедших в Татарстане и касающихся кряшен публикаций только 4 были позитивными, что свидетельствует о несоизмеримых медийных возможностях «отменяемой стороны»[1]. Исследователь отмечала проблему употребления в СМИ оскорбляющих кряшен некорректных терминов[2].

В механизме «корпоративной отмены» единым фронтом были задействованы многие (если не все, включая сельские районные газеты) региональные СМИ, организации науки, образования[3] и т. д. Все они транслировали идеологемы «татаризма», который, как указывалось выше, сам был результатом корпоративной отмены «булгаризма».

Данные события не были спором сторонников «татарскости» и «кряшенскости» в агональном смысле понятия спора. Вся «дискуссия» являлась бесконечным проговариванием более сильной стороной своих постулатов. Они представляли собой удерживаемый государственными структурами Татарстана бриколаж идей, никоим образом не вступающий в диалог с конструктами (включая мифологемы о прошлом) кряшенской идентичности. К доминирующей точке зрения можно было только аккомодироваться, что и сделала часть кряшенских активистов. Они вошли в состав созданных региональными властями после переписи 2002 г. общественных организаций и сосредоточили свою деятельность на достижении не политических,

12.htm

1 Союз кряшен России: «Татарский народ - искусственно сконструированный этнос» (2010, январь 29). *Информационное агенство «Регнум»*. https://regnum.ru/news/1248213?forprint

2 О развитии самосознания современных кряшен говорили в Казани. 2.02,2014 (2014, февраль 2). *Информационное Агенство «Татар-информ»*. https://www.tatar-inform.ru/news/o-razvitii-samosoznaniya-sovremennyh-kryashen-govorili-v-kazani

3 В 2002 г. я был студентом одного из казанских ВУЗов. Помню специальные лекции и даже срочно введенный спецкурс о этноконфессиональной структуре «единой татарской нации».

а культурных целей. Таким образом, сложности в реализации политических интересов людей с кряшенской идентичностью были обусловлены отсутствием поддержки в виде крупных корпоративных образований, как то наблюдалось в случае «татаризма». Под интересы последнего оказалась мобилизована мощная корпоративная вертикаль.

В 2010 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ был создан «Центр изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков». Методологическими основаниями работ сотрудников «Центра» служат примордиализм и идеологема о кряшенах как «части татар». Последнее «доказывается» обширным историческим материалом. Силами «Центра» организован выпуск журнала «Кряшенское историческое обозрение»[1]. Научные публикации популяризируются в крупнейших СМИ Татарстана[2].

Исторический нарратив о «крещеных татарах», по мнению его создателей, должен «перевесить» современную идентичность кряшен, официально делая их частью татар (об исторических мифах самих кряшен см.: (Галиндабаева, 2019)). Такой подход корректно назвать (нео)колониальным, т. к. в общественном дискурсе он «отменяет» мнение реальных людей, делая его «с точки зрения науки» якобы «неправильным». Интересно отметить, что некоторые кряшенские активисты, согласно логике культуры отмены, пытались вмешиваться в публичный процесс защит сотрудниками «Центра» диссертационных работ, но всегда безуспешно (подробнее см.: Овчинников, 2020a).

Составной частью «корпоративной отмены» кряшенской идентичности, видимо, можно считать работы татарстанских этногенетиков, выводы которых укладываются в основные постулаты «татаризма» (Конюхова и др., с. 135). В глазах обывателя числовые данные генетики выглядят чем-то фундаментальным и сущностным, и потому могут сказать веское слово в сложении идентичности (Овчинников, 2020b).

К корпоративной отмене со стороны региональных филологов, на мой взгляд, относится «отказ» в признании самостоятельности кряшенского языка (подробнее см.: (Фокин, с. 123-131)).

Ситуация с противодействием «корпоративной отмене», кажется, стала меняться в 2023 г., когда по инициативе ряда представителей региональных властей уже «в пользу кряшен» произошла корпоративная отмена «этнотриллера» «Микулай». Художественный фильм был снят молодым татарским режиссёром Ильшатом Рахимбаем по одноимённой пьесе драматурга Мансура Гилязова. В обоих произведениях речь идёт о заброшенной кряшенской деревне, в которой проживает только один житель – умственно неполно-

1 Вышел первый номер научного журнала «Кряшенское историческое обозрение» (2015). *Институт истории им. Ш. Марджани*. http://татаровед.рф/news/23

2 Кряшенский вопрос получил ответ Института истории почти на тысяче страниц (2017, декабрь 20). *Информационное агентство «Реальное Время»* https://realnoevremya.ru/articles/84600-tatary-kryasheny-novaya-kniga-instituta-istorii-vyshla-v-kazani?utm_source=mobile&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile

ценный Микулай (Николай). Его образ наполнен описаниями физических недостатков, растления в малолетнем возрасте, инцеста. В то же время упоминается культуртрегерская роль татар по отношению к кряшенам. В фильме можно увидеть попытки «отуземнивания» жителей деревни Микулая. Он мастерит куклы, воображая их своими соседями и родственниками. Лица кукол внешне напоминают известные по этнографическим собраниям ритуальные маски племён, например, Океании. Также Микулай каждую ночь для указания маршрута пролетающим самолётам разжигает костры, что может показаться намёком на местный вариант «карго-культа».

В роли Микулая выступил известный актер «федерального уровня» Виктор Сухоруков. Съёмочная группа работала в одном из пригородных к Казани сельских районов при явном «режиме благоприятствования» со стороны властей. Жители ближних деревень организованно привлекались к съёмкам в качестве массовки. Премьера фильма в июне 2023 г. активно «пиарилась» в татарстанских СМИ. Голоса протеста (в стиле культуры отмены) кряшенских активистов оставались незамеченными. Режиссёр Ильшат Рахимбай надеялся, что премьеру посетят высшие чиновники Татарстана.

Ситуация кардинальным образом изменилась, когда недовольным содержанием фильма оказался генеральный директор крупной татарстанской корпорации «Ак Барс» и руководитель созданной ранее Казанским Кремлём «Общественной организации кряшен РТ», депутат Госсовета республики И. М. Егоров. Возможно, определённую роль сыграла опубликованная автором этих строк в одной из соцсетей и «замеченная наверху» рецензия на пьесу «Микулай». Активисты возглавляемой И. М. Егоровым организации начали активную критику фильма[1] (хотя ранее те же лица положительно отзывались о поставленных по одноименной пьесе спектаклях[2]). Подконтрольные холдингу «Ак Барс» финансовые структуры отказали Рахимбаю в покрытии расходов на создание фильма (о чем ранее имелась договорённость)[3]. Постепенно упоминания о «этнотриллере» в местных СМИ «сошли на нет». Это может свидетельствовать о корпоративной отмене, механизм которой, видимо, запустил интегрированный во власть крупный региональный чиновник, знакомый с неписаными правилами подобной «отмены» и аккомодационной культуры в целом[4].

1 «Мы заранее говорили, что будет скандал»: почему кряшены Татарстана хотят запретить «Микулая»? (2023, октябрь 1). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/609020

2 Людмила Белоусова: «Бу – бер республика, бер ил генә түгел, бөтен дөнья фаҗигасе» (2020, март 9). *«Туганайлар»*. https://tuganaylar.ru/news/h%D3%99b%D3%99rl%D3%99r/lyudmila-belousova-bu-ber-respubika-ber-il-gen-tgel-bten-dnya-faigase

3 Ильшат Рахимбай: «Я понимал, что мы либо все передвигаем, либо газуем как рок-н-ролльщики (2022, ноябрь 1). *Информационное агенство «Реальное Время»*. https://realnoevremya-ru.turbopages.org/realnoevremya.ru/s/articles/237511-na-etno-triller-s-viktorom-suhorukovym-mikulay-sobirayut-dengi

4 Подробнее о материалах кейса см.: Овчинников, А. (2023, октябрь 18). «Микулай» открывает глаза: могут ли отменить фильм? *Информационное агентство «Реальное Время»*.

Связанный с корпоративной отменой «кряшенский» кейс свидетельствует о том, что в идеологеме «татаризма» присутствуют потенциально бинарные оппозиции. Они не превращаются в антагонистические по отношению друг к другу, а наоборот, удерживаются в бриколаже «единой нации», благодаря медиатору в лице политической элиты Татарстана, «аккомодирующей» другие потенциальные акторы «отмены». Иные мифологемы, например, кряшенская или, как будет показано далее, башкирского национализма не могут наладить с «татаризмом» диалог в силу аналогичной замкнутости в себе. Казалось бы, современные медийные площадки – идеальное место для проведения дискуссий, но в реальности они служат лишь транслятором одной версии прошлого и настоящего, «отменяя» при этом другие и других.

Дискуссия об этнической атрибуции населения северо-западных районов Башкортостана

Между академическими сообществами Казани и Уфы на сегодняшний день имеет место корпоративная отмена. За каждой отстаиваемой этнической мифологемой, в отличие от «кряшенского случая», стоит координируемая работа СМИ, учреждений науки и культуры, органов власти республиканского и районного уровней.

Главной причиной взаимной отмены является тесная связь этничности и государственности, в связи с чем этнический фактор влияет на распределение властных полномочий. Если в Башкортостане конструкты истории и современности башкирского народа отличаются автохтонностью и автономностью, то в случае Татарстана идеологема «единой нации» выходит за пределы республики и сталкивается с представлениями о «самостоятельных этносах» сибирских и астраханских татар[1] (ногаев[2]), мишар и т. д.

В Башкортостане можно наблюдать слаженную работу различных корпораций по трансляции идеи башкирской принадлежности населения северо-западных районов республики. Археологи и историки ведут линию преемственности от раннесредневековых археологических культур края до известных башкирских родов средневековья и нового времени, которые владели данными землями на предоставленных царским правительством вотчинных правах (Мажитов & Султанова, 2010). Этногенетики проводят соответствующие исследования (Балановская и др., 2017). Политологи, анализируя сложные процессы XX в., стремятся показать искусственный, привнесённый извне, характер татарской идентичности населения данных районов (научный

https://m.realnoevremya.ru/articles/293458-mikulaya-smogut-otmenit-mikulay-otkryvaet-glaza

1 Профессор Казанского федерального университета: «Идет процесс ликвидации самосознания и идентичности астраханских татар» (2020, март 20). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/460505

2 Татарстанские деятели используют Ивана Грозного для провокаций в Астрахани (2020, март 25). *Ast-news.ru. Астраханские новости*. https://ast-news.ru/node/tatarstanskie-deyateli-ispolzuyut-ivana-groznogo-dlya-provokatsiy-v-astrakhani/

анализ проблемы см.: (Горенбург, 2004)). Башкортостанские СМИ отмечают научный характер утверждений о башкирском происхождении жителей северо-западного региона. Итогом удачного корпоративного взаимодействия стало признание Институтом языкознания РАН языка данных групп населения северо-западным диалектом башкирского.[1]

С казанской стороны «отмена» также выражается в слаженной работе многих корпораций, причём активность отдельно взятого учёного не определяет каких-либо значимых изменений в общем ходе дискуссии. Некоторые татарстанские историки обвиняют ряд башкортостанских коллег в предвзятом, по их мнению, истолковании ключевых вопросов древней и средневековой истории. Один из вышедших в Казани академических сборников именовался «Большая ложь историков Башкортостана» (2010). Показательна попытка археологов объявить локализованную в том числе и на северо-западе Башкортостана чияликскую археологическую культуру не угорской, чьё население считается одним из предков башкир, а тюрко-татарской (Измайлов, 2021).

Языковеды из академических учреждений Казани критикуют выделение северо-западного диалекта башкирского, однозначно считая его мензелинским говором татарского.[2] Мнение несогласных выносится за рамки науки.[3]

Главным идейным постулатом корпоративной отмены является утверждение о том, что башкиры в эпоху нового времени представляли собой не этническую, а сословную категорию. Татары в это время были именно «этносом», отдельных представителей которого, «записанных» в башкирское сословие, источники, якобы, ошибочно называют «башкирами». Данная схема служит основой интерпретации «Ревизских сказок» с дальнейшей трансляцией результатов по сложноустроенной корпоративной цепочке. Например, Институтом истории АН РТ в преддверии Всероссийской переписи населения-2020 было подготовлено соответствующее справочное издание «Татары Уфимского уезда» (2020). Книга презентовалась на конференции в здании филармонии граничащего с Башкортостаном Актанышского района Татарстана в январе 2021 г.

В день конференции бушевала метель, путь из Казани в Актаныш был далёким и небезопасным, но сотрудники академических учреждений все равно выехали в район. Программа конференции с указанием организаторов мероприятия и заявленных докладов является репрезентативным источником

1 Эксперт: Спор по северо-западному диалекту башкирского языка решают материалы XIX века (2021, июнь 23). *Информационное агентство «Башинформ»*. https://www.bashinform.ru/news/culture/2021-06-23/ekspert-spor-po-severo-zapadnomu-dialektu-bashkirskogo-yazyka-reshayut-materialy-xix-veka-2457688

2 «Когда в Башкирии говорят о «северо-западном диалекте», то имеют в виду татарский мензелинский» (2021, январь 25). kazanfirst.ru/interviews/538174

3 «О северо-западном диалекте башкирского языка говорят только блогеры» (2021, ноябрь 13). *Информационное агентство «Татаринформ»*. https://www.tatar-inform.ru/news/ucitelya-ne-mogli-sdelat-tatarami-sotnyu-dereven-dialektologi-razoblacili-lzivuyu-teori-5843035

по выявлению механизмов корпоративной отмены[1]. В дальнейшем практика просветительских конференций и «академических десантов» казанских учёных в приграничных с Башкортостаном районах стала регулярной[2]. Только за период лета и осени 2024 г. на официальном сайте Института истории АН РТ зафиксированы данные о 5 мероприятиях, так или иначе связанных с пропагандой идеологемы о татарской принадлежности населения северо-запада соседнего региона[3].

В стратегии и тактике «войн памяти» большая роль отводится переписям населения. Их официальные результаты активизируют социальный обмен, т. к. служат обоснованием принятия управленческих решений в областях экономики и культуры. Неудивительно, что активизируются и механизмы корпоративной отмены. Прошедшая в 2020 г. перепись оказалась неудачной для конструкта «татаризма» (число людей, назвавших себя татарами и учтённых таковыми, по сравнению с данными предыдущей переписи, уменьшилось почти на 600 тысяч человек)[4]. Это привело к активизации «ответственных» за идеологему и новому витку «войн памяти».

Поводом послужило строительство в Башкортостане комплекса Евразийского музея кочевых цивилизаций. Центральными объектами его экспозиции стали мавзолеи золотоордынского времени в Чишминском районе республики[5]. Исследователи памятников отмечали принципиальную невозможность

1 Программа Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летию основания Актаныша «Историко-культурное наследие и современность Восточного Закамья» (2021, января, 15). *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://вики.татаровед.рф/data/pdf/program_Aktanysh.pdf

2 «Пограничная история»: что обсуждали татарстанские ученые в Муслюмово? (2024, сентябрь 23). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/pogranicnaya-istoriya-cto-obsuzdali-tatarstanskie-ucenye-v-muslyumovo-6190

3 Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ принимает участие в проекте «Академический десант» (2024, июнь 10). *Официальный сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://татаровед.рф/news/1096; Руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Ильнур Миргалеев принял участие в работе круглого стола (Республика Башкортостан, Кушнаренковский район, с. Старые Тукмалы, 20 июля 2024 г.) (2024, июль 22). *Официальный сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://татаровед.рф/news/1120; 19–20 сентября 2024 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Татары Западного Приуралья: прошлое и настоящее» (2024, сентябрь 22). *Официальный сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://татаровед.рф/news/1143; Международный Круглый стол «Татары в средневековой истории Евразии: проблемы источниковедения» (2024, октябрь 30). *Официальный сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://татаровед.рф/news/1169; 28–29 ноября 2024 г. в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ прошла Всероссийская научная конференция «Татары в массовых источниках XVII – начала XX вв.: новые данные и методологические подходы» (2024, декабрь 2). *Официальный сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*. http://татаровед.рф/news/1191

4 Перепись-2020: татар и русских в России за десять лет стало меньше (2022, декабрь 31). *Информационное агентство «Реальное Время»*. https://m.realnoevremya.ru/articles/269763-tatar-v-rossii-stalo-menshe

5 «У нас свой путь»: Радий Хабиров создает «башкирский Болгар» под Уфой (2022, сентябрь 24). *Информационное агенство «Татаринформ»*. https://www.tatar-inform.ru/news/u-nas-svoi-put-radii-xabirov-

их атрибуции в качестве только «башкирских» или только «татарских» (Гарустович & Нечвалода, с. 351). Однако в октябре 2023 г. в крупнейших СМИ Татарстана появилась информация об отказе учёным из Казани в участии в работе научной конференции в Уфе. Причиной называлось желание организаторов видеть в основателях чишминских мавзолеев предков башкир[1].

В казанских медиа началась бурная кампания в защиту татарского культурного наследия. Археологи и историки архитектуры доказывали, что Чишминские мавзолеи построены из материалов с территории Волжской Булгарии[2] и типологически схожи с булгарскими памятниками[3]. Филологи указывали, что надписи на обнаруженных рядом с мавзолеями намогильных камнях содержат сведения, якобы, о татарах[4], не упоминая при этом названия башкирских родов.[5] Историки записали пространный видеоролик о строительстве Чишминских мавзолеев, по их мнению, татарами незадолго до монгольского нашествия.[6] Постепенно тон публикаций становился все более эмоциональным, их авторы прямо указывали на попытки лишить татар материальных свидетельств их истории.[7]

В дискуссии о чишминских мавзолеях публичное участие принял Президент АН РТ, доктор технических наук и брат Президента Республики Р. Н. Минниханов[8]. К месту заметить, что под его руководством коллективы институтов и центров Академии регулярно проводят друг с другом спортивные соревнования, специфика организации которых отражает корпоративную структуру учреждения в целом[9].

---

sozdaet-baskirskii-bolgar-pod-ufoi-5880298

1 Казанских историков не пустили на конференцию в Уфе (2023, октябрб 24). «*Бизнес Online*». https://www.business-gazeta.ru/news/611573

2 «Мавзолеи Чишмы были построены татарскими зодчими по устоявшейся в Поволжье системе каменного строительства» (интервью Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой) (2023, октябрь 26). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/mavzolei-cismy-byli-postroeny-tatarskimi-zodcimi-po-ustoyavseisya-v-povolze-sisteme-kamennogo-stroitelstva-4356

3 Вячеслав Баранов: «То, что мы наблюдаем в Чишме, это, безусловно, булгарские памятники» (2023, октябрь 2). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/vyaceslav-baranov-to-cto-my-nablyudaem-v-cisme-eto-bezuslovno-bulgarskie-pamyatniki-4206

4 «Надписи на камнях у мавзолея Хусейн-бека в Чишмах относятся к концу XVII века, а не ко времени Тамерлана» (2023, ноябрь 21). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/nadpisi-na-kamnyax-u-mavzoleya-xusein-beka-v-cismax-otnosyatsya-k-koncu-xvii-veka-a-ne-ko-vremeni-tamerlana-4502

5 «Чишминские мавзолеи в Башкирии: памятник Хусейн-беку очень схож с памятниками Булгара 1-го стиля» (2023, ноябрь 1). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/cisminskie-mavzolei-v-baskirii-pamyatnik-xusein-beku-ocen-sxoz-s-pamyatnikami-bulgara-1-go-stilya-4396

6 Исхаков, Д. М, Хузин, Ф. Ш. (2023, ноябрь 15). Татары-кипчаки были в Волжской Булгарии ещё до монголов // Дзен. https://dzen.ru/video/watch/6550df7438414e117d62e692?utm_referrer=yandex.ru

7 «Эпизоды войн памяти»: смогут ли татары отстоять свое культурное наследие? (2023, октябрь 29). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/611996

8 «Начинают перетягивать»: Рифкат Минниханов высказался о скандальных мавзолеях в Башкортостане (2023, октябрь 26). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/news/611771

9 Сотрудники Академии наук РТ приняли участие во Всероссийском дне бега (2023, сентябрь 16). *Официальный сайт Академии наук Республики Татарстан*. https://www.antat.ru/ru/news/16699/

«Чишминская кампания» в татарстанских СМИ длилась примерно месяц и закончилась так же резко, как и началась[1]. Было объявлено о победе, которая почему-то связывалась с решением о создании на базе АН РТ Международного центра исследований истории и культуры народов Степной Евразии[2]. Иными словами, как и в кейсах спора «булгаристов» и «татаристов», а также «кряшенского вопроса», одна из эскалаций данной «войны памяти» завершилась созданием новой академической структуры. Источники позволяют утверждать о её патронировании на высшем уровне региональной власти[3]. Не достижение логической, в агональном смысле, победы в дискуссии, а именно кадровые решения, видимо, и были главной целью активности многих участников корпоративной отмены.

К кейсам корпоративной отмены можно отнести ещё много интересных сюжетов региональных «войн памяти», но механизм «отмены» в медийных условиях аккомодативной культуры будет идентичным.

Например, итогом многолетних работ археологов стало признание в том числе (пра)славянского характера населения именьковской археологической культуры, занимавшей в IV–VII вв. н. э. часть территории Татарстана. В данном случае академическое знание оказывается не «в формате» официального регионального историописания (Овчинников, 2016). Сведения о «славянском присутствии» полуторатысячелетней давности сложно найти на страницах местных учебников, научных статей и периодических изданий, что свидетельствует о консолидированной корпоративной отмене. Появляющиеся сообщения в СМИ «купируются» игнорированием или не всегда корректной критикой.[4] Однако при взаимодействии с академическими корпорациями из других регионов, например, в фундаментальных обобщающих научных трудах АН РТ, этноязыковая атрибуция раннесредневекового населения края в качестве (пра)славян все же имеет место (Кляшторный & Старостин, 2002, с. 210–217; Сташенков & Вязов, 2022, с. 364–387).

Примером корпоративной отмены можно назвать слаженную критику работ генетиков (Балановская и др., 2016), постулирующих несхожесть гено-

1 Началась кампания 24.10.2023 с сообщений об отказе казанским ученым в работе уфимской конференции, а завершилась примерно 27.11.2023 официальным объявлением о создании на базе АН РТ нового Центра. За это время в крупнейших СМИ Татарстана было опубликовано порядка 20 статей и интервью, так или иначе касающихся Чишминских мавзолеев в Башкортостане. На портале «Миллиард татар» даже появилась соответствующая рубрика (Новости по рубрике – История булгаро-ордынских мавзолеев в Башкирии (б.д.). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/rubric/list/mavzolei-v-bashkirii

2 Наш ответ Чемберлену: «мягкая сила» Рифката Минниханова накроет Степную Евразию (2023, ноябрь 27). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/615015

3 Минниханов назвал пользу от будущего центра истории и культуры народов Степной Евразии (2024, март 25). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/news/627552?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

4 «Нет никаких оснований предполагать, что до булгар в Среднем Поволжье существовало неизвестное науке государство» (2023, сентябрь 6). «*Миллиард татар*». https://milliard.tatar/news/net-nikakix-osnovanii-predpolagat-cto-do-bulgar-v-srednem-povolze-sushhestvovalo-neizvestnoe-nauke-gosudarstvo-4054

фондов «популяций» татар[1]. Создание альтернативного «ДНК-проекта», доказывающего историко-генетическое «единство татарской нации» (Генофонд, 2021), и популяризация этих выводов в региональных СМИ[2] в дискурсе корпоративной отмены и аккомодативной культуры вполне ожидаемы.

Явно не к культуре отмены относятся наблюдаемые в последние годы административные запреты на проведение в Казани «митинга памяти о воинах, погибших при защите города от войск Ивана IV в 1552 г.» Ранее в 1990-е гг. «День памяти» актуализировался СМИ, интеллигенцией (особенно историками) и сопровождался многотысячными координируемыми манифестациями. Потребность в них для региональных элит с усилением «вертикали власти» отпала (Овчинников & Ершова, 2020).

Зависимость «войн памяти» от силы стоящих за спорящими корпораций демонстрирует кейс отсутствия региональной корпоративной отмены на введённый в 2023 г. вузовский курс «Основы российской государственности». Одно из учебных пособий курса «фрондирует» ключевым идеологемам «татаризма» (концепту «единой татарской нации», опровержению существования монголо-татарского ига и т. д.).[3] В ответ было зафиксировано лишь одно осторожное выступление[4], при этом не ставшее поводом для разворачивания единого фронта корпоративной отмены. Примерно 10 годами ранее татарстанские историки, поддержанные местными СМИ и чиновниками, смогли добиться изъятия из федеральных учебников истории термина «монголо-татарское иго»[5].

Выводы. К новым контурам осмысления известных проблем

Результаты проведенного на материалах Татарстана исследования дают основания утверждать о тесной связи социально-политических практик «войн памяти», механизмов отмены, структуры мифа и условий аккомодативной культуры в целом. Наиболее наглядно такая связь фиксируется в массмедиа, которые являются площадкой для «войн памяти». Последние отличаются бескомпромиссностью и ожесточенностью в случае отсутствия внешних, связанных с агональной культурой, предпосылок для логичной «культуры

1 «Эта статья – стремление доказать, что татарской нации не существует» (2016, декабрь 18). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/332180

2 «Мы однозначно доказали, что татарский народ не некая «сборная» под одним именем, а единая общность» (2022, январь 15). *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. https://www.business-gazeta.ru/article/536057

3 Александр Овчинников: «История Татарстана в новом учебнике – «смена вех» или банальная спешка? (2023, сентябрь 12). *Информационное агентство «Реальное Время»*. https://realnoevremya.ru/articles/290238-aleksandr-ovchinnikov-smena-veh-ili-banalnaya-speshka

4 Татары в учебных пособиях по основам российской государственности (2023, ноябрь 1). *Youtube. Канал Института истории им. Ш. Марджани*. https://www.youtube.com/watch?v=GGk04YNRUW8

5 Учебники по истории без «татаро-монгольского ига» поднимут имидж татар – ученые РТ (2013, октябрь 31). *РБК*. https://rt.rbc.ru/tatarstan/31/10/2013/55928d2e9a794751dc830363

отмены» составляющих конструкты элементов. Потенциальная невозможность всем заинтересованным акторам «договориться о прошлом» результирует в малопластичный бриколаж, контролируемый, как правило, лишь одним или несколькими «центрами силы». Столкновение двух порождённых условиями аккомодативной культуры идеологемных бриколажей приводит к алогичным «спорам о прошлом», в том числе и в массмедиа, которые оказываются одним из звеньев корпоративной отмены. Таким образом, собственно предмет дискуссий в «войнах памяти» становится второстепенным по отношению к структуре (само)организации социума.

Проанализированные кейсы «войн памяти» при ближайшем рассмотрении оказались лишь эпизодами внутри- и межкорпоративного взаимодействий и следствием наличия группы акторов, имеющих возможность перераспределять ресурсы. Конечной целью изученных публичных споров являлось инициирование создания новых структур в уже имеющихся академических корпорациях. Региональные СМИ участвовали в игре потому, что её предсказуемый результат был в их собственных интересах как части «корпоративной вертикали».

Таким образом, изложенный материал позволяет очертить контуры теоретической модели изучения «войн памяти». Первостепенная роль здесь отводится нюансам аккомодации большинства акторов к внешним условиям, не позволяющим конструктам прошлого выйти за рамки определённого бриколажа, и вступить в агональный диалог с иными взглядами. Представляется, что вырабатываемый язык описания известных проблем открывает широкие возможности для исследований компаративистского характера в областях антропологии, политологии, социальной философии и историографии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, https://rscf.ru/project/23-18-00465/

Список литературы

Broder, J. L. (2024). Complex Dynamics of Cancel Culture in the Media. In G. J. Rich, V. K. Kumar, & F. H. Farley (Eds.), *Handbook of Media Psychology* (pp. 243–257). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56537-3_17

Bull, A. C., & Hansen, H. L. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. https://doi.org/10.1177/1750698015615935

Erll, A. (2009). Wars We Have Seen: Literature As a Medium of Collective Memory in the "Age of Extremes." In *Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II* (pp. 25–43). Brill Rodopi. https://doi.org/10.1163/9789042026292_003

Kuhn, T. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions* (2nd, Ed.). University of Chicago Press Ltd.

Балановская, Е. В., Агджоян, А. Т., Жабагин, М. К., Юсупов, Ю. М., Схаляхо, Р. А., Долинина, Д. О., Падюкова, А. Д., Кузнецова, М. А., Маркина, Н. В., Атраментова, Л. А., Лавряшина, М. Б., & Балановский, О. П. (2016). Татары Евразии: Своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар. *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*, 3, 75–85.

Балановская, Е. В., Юсупов, Ю. М., Схаляхо, Р. А., Степанов, Г. Д., Асылгужин, Р. Р., Жабагин, М. К., Балаганская, О. А., Султанова, Г. Д., Борисова, Е. Б., Дараган, Д. М., & Балановский, О. П. (2017). Генетические портреты семи кланов северо-западных башкир: Вклад финно-угорского компонента в генофонде башкир. *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*, 3, 94–103.

Большая ложь историков Башкортостана: (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). (2010). [Яз].

Бордюгов, Г. А. (2011). *«Войны памяти» на постсоветском пространстве*. «АИРО-XXI».

Галиндабаева, В. В. (2019). Концепции исторической памяти кряшен в Татарстане: Элитарные версии истории и коллективная память. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 5, 10–16. https://doi.org/10.33491/telescope2019.5-601

Гарустович, Г. Н., & Нечвалода, А. И. (2020). *Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана*. «Китап».

Генофонд татар: Историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. (2021). Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Горенбург, Д. (2004). Татары – башкиры – снова татары: Изменения этнической идентичности в Башкортостане. *Вестник Евразии*, 1, 65–94.

Давиденко, А. А. (2002). Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 3, 85–95. https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-3-7

Дунаева, Т. Г. (2008). *Кряшеноведение библиографический указатель*. Издательство Казанского государственного университета культуры и искусств.

Измайлов, И. Л. (2021). Восточное Закамье в IX-XVI веках: Этническая ситуация в условиях пограничья. *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*, 18, 74–92. https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-18-74-92

Илизарова, В. В. (2013). *Кряшены: Факторы формирования этнокультурной идентичности* [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Исхаков, Д. М. (2011a). Академическая «война» конца XX века в Татарстане: В поисках смысла. *IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*, 386.

Исхаков, Д. М. (2011b). «Битва историков» в Республике Татарстан в 1990-х годах и создание Института истории АН РТ. *Звезда Поволжья*, 3.

Кляшторный, С. Г., & Старостин, П. Н. (2002). Праславянские племена в Поволжье. В *История татар с древнейших времен: Т. I. Народы степной Евразии в древности* (сс. 210–217). Рухият.

Конюхова, Е. В., Нгуен Фыонг Нга, Алимова, Ф. К., & Кравцова, О. А. (2010). Разнообразие митохондриального генофонда в популяции поволжских татар Республики Татарстан.

Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: естественный науки, 152(2), 128–136.

Леви-Стросс, К. (2008). *Структурная антропология*. «Академический проект».

Летняков, Д. Э. (2023). Агонистическая память и ее перспективы для постсоветского пространства. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 52–58.

Мажитов, Н. А., & Султанова, А. Н. (2010). *История Башкортостана. Древность. Средневековье*. «Китап».

Нисбетт, Р., Пенг, К., Чой, И., & Норензаян, А. (2011). Культура и системы мышления: Сравнение холистического и аналитического познания. *Психологический журнал*, 32(1), 55–86.

Овчинников, А. В. (2008). *Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов*. Издательство Казанского государственного технологического университета.

Овчинников, А. В. (2016). Антропологический подход в изучении историографии именьковской культуры: Опыт применения. *Исторический формат*, 3, 151–169.

Овчинников, А. В. (2017). К проблеме преемственности советских и постсоветских региональных национальных историй: По материалам ТАССР/Татарстана. В *Историческая память в постнациональном мире: Мифы, ритуалы, репрезентации* (сс. 86–96). Издательский Центр «Наука».

Овчинников, А. В. (2020a). «Русский мир», «татарский мир» и «история кряшен»: Исторические составляющие (нео)колониальных мифов в современном Татарстане. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 11(9), 30. https://doi.org/10.18254/S207987840012219-9

Овчинников, А. В. (2020b). Символический предел фронтира: «генофонд народа» и миграции в прошлом и настоящем. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5(2), 60–76. https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.203

Овчинников, А. В. (2023). Ситуативные аспекты конструирования этнонациональных историй: Кейс смены (отмены) парадигм официальных версий прошлого Татарстана. *Власть*, 31(6), 220–227. https://doi.org/10.31171/vlast.v31i6.9905

Овчинников, А. В. (2024). «Корпоративная отмена»: Приключения «мифа 922 года» между академическим и идеологическим дискурсами. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(1), 202–224. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.448

Овчинников, А. В., & Ершова, Г. Н. (2020). 1552 год в сетевом сообществе Татарстана: Социальные и политические аспекты версий исторической травмы. *Власть*, 28(4), 138–146. https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7448

Соколовский, С. В. (2009). *Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года*. «КряшИздат».

Становление и генезис кряшенской идентичности: Коллективная монография. (2022). Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Сташенков, Д. А., & Вязов, Л. А. (2022). Именьковская культура. В А. Г. Ситдиков (Ред.), *Археология Волго-Уралья в 7 томах: Т. 4. Эпоха Великого переселения народов* (сс. 364–386). Издательство АН РТ.

Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722-1782 гг.): Справочное издание. (2020). Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Фокин, А. В. (2013). *Кряшены – судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики кряшенского национального движения*. Intelpress+.

Шнирельман, В. А. (2003). *Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. «Академкнига».

References

Balanovskaya, E. V., Agdzhoyan, A. T., Zhabagin, M. K., Yusupov, Y. M., Skhalyakho, R. A., Dolinina, D. O., Padyukova, A. D., Kuznetsova, M. A., Markina, N. V., Atramentova, L. A., Lavryashina, M. B., & Balanovsky, O. P. (2016). The Tatars of Eurasia: Peculiarity of Crimean, Volga and Siberian Tatar Gene Pools. *Lomonosov Journal of Anthropology (Moscow University Anthropology Bulletin)*, 3, 75–85. (In Russian).

Balanovskaya, E. V., Yusupov, Y. M., Shalyakho, R. A., Stepanov, G. D., Asylguzhin, R. R., Zhabagin, M. K., Balaganskaya, O. A., Sultanova, G. D., Borisova, E. B., Daragan, D. M., & Balanovskiy, O. P. (2017). Genetic Portraits of Seven Clans of North-Western Bashkirs: Contribution of the Finno-Ugric Genetic Component to the Bashkirian Gene Pool. *Lomonosov Journal of Anthropology (Moscow University Anthropology Bulletin)*, 3, 94–103. (In Russian).

Bordyugov, G. A. (2011). "*Memory wars*" *in the post-Soviet space*. "AIRO-XXI". (In Russian).

Broder, J. L. (2024). Complex Dynamics of Cancel Culture in the Media. In G. J. Rich, V. K. Kumar, & F. H. Farley (Eds.), *Handbook of Media Psychology* (pp. 243–257). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56537-3_17

Bull, A. C., & Hansen, H. L. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. https://doi.org/10.1177/1750698015615935

Davidenko, A. A. (2002). The concept of "memory wars" in contemporary studies of collective memory. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 3, 85–95. https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-3-7 (In Russian).

Dunayeva, T. G. (2008). *Kryashen studies bibliographic index*. Publishing house of Kazan State University of Culture and Arts. (In Russian).

Erll, A. (2009). Wars We Have Seen: Literature As a Medium of Collective Memory in the "Age of Extremes." In *Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II* (pp. 25–43). Brill Rodopi. https://doi.org/10.1163/9789042026292_003

Fokin, A. V. (2013). *Kryasheni - My Destiny: Episodes of History, Theory and Practice of the Kryashen National Movement*. Intelpress+. (In Russian).

Formation and Genesis of Kryashen Identity: A Collective Monograph. (2022). Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).

Galindabaeva, V. V. (2019). Concepts of historical memory of Kryashen in Tatarstan: elitists versions of history and collective memory. *Telescope: journal of sociological and marketing research*, 5, 10-16. https://doi.org/10.33491/telescope2019.5-601 (In Russian).

Garustovich, G. N., & Nechvaloda, A. I. (2020). *Medieval stone mausoleums of Bashkortostan*. "Kitap." (In Russian).

Gorenburg, D. (2004). Tatars - Bashkirs - Tatars again: Changes in ethnic identity in Bashkortostan. *Acta Eurasica*, 1, 65–94. (In Russian).

Ilizarova, V. V. (2013). *Kryashen: Factors of formation of ethno-cultural identity* [PhD Thesis]. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).

Iskhakov, Д. M. (2011a). Academic "war" of the late 20th century in Tatarstan: In search of meaning. *IX Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Abstracts of reports*, 386. (In Russian).

Iskhakov, D. M. (2011b). "Battle of historians" in the Republic of Tatarstan in the 1990s and the establishment of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. *Zvezda Povolzhye*, 3. (In Russian).

Izmailov, I. L. (2021). Eastern Zakamye in the IX-XVI Centuries: The Ethnic Situation in the Conditions of the Border Region. *Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*, 18, 74–92. https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-18-74-92 (In Russian).

Klyashtorny, S. G., & Starostin, P. N. (2002). Proto-Slavic tribes in the Volga region. In *History of the Tatars since ancient times: Vol. I. Peoples of steppe Eurasia in antiquity* (pp. 210–217). Rukhiyat. (In Russian).

Konyukhova, E. V., Nguyen Phuong Nga, Alimova, F. K., & Kravtsova, O. A. (2010). Diversity of mitochondrial gene pool in the population of Volga Tatars of the Republic of Tatarstan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 152(2), 128–136. (In Russian).

Kuhn, T. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions* (2nd, Ed.). University of Chicago Press Ltd.

Letnyakov, D. E. (2023). Agonistic Memory and its Prospects for the Post-Soviet States. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 1, 52–58. (In Russian).

Lévi-Strauss, C. (2008). *Structural anthropology*. "Academic Project.". (In Russian).

Mazhitov, N. A., & Sultanova, A. N. (2010). *History of Bashkortostan. Antiquity. Middle Ages*. "Kitap". (In Russian).

Nisbett, R., Peng, K., Choi, I., & Norenzayan, A. (2011). Culture and Systems of Thought: Comparison of Holistic and Analytic Cognition. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(1), 55–86. (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2008). *Ancient and medieval history of the Volga-Urals in the works of Soviet scientists: A.P. Smirnov*. Kazan State Technological University Publishing House. (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2016). Anthropological Approach to the Study of Historiography of the Imenkovo Archaeological Culture: Practical Application. *Historical Format*, 3, 151–169. (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2017). Toward the Problem of Continuity of Soviet and Post-Soviet Regional National Histories: On the Materials of TASSR/Tatarstan. In *Historical Memory in the Post-National World: Myths, Rituals, Representations* (pp. 86–96). Publishing Center "Nauka". (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2020a). "Russian World", "Tatar World" and "History of Kryashens": Historical Components of (Neo)colonial Miths in Contemporary Tatarstan. *Istoriya*, 11(9), 30. https://doi.org/10.18254/S207987840012219-9 (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2020b). A Symbolic Limit of Frontier: «the Gene Pool of People» and Migration, Past and Present. *Journal of Frontier Studies*, 5(2), 60–76. https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.203 (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2023). Situational Aspects of the Construction of Ethno-National Stories: the Case of Changing (Canceling) the Paradigms of the Official Versions of the Past of Tatarstan. *Vlast' (The Authority)*, 31(6), 220–227. https://doi.org/10.31171/vlast.v31i6.9905 (In Russian).

Ovchinnikov, A. V. (2024). Corporate Cancellation: The Odyssey of the "Myth of 922" between Academic and Ideological Discourses. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(1), 202–224. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.448 (In Russian).

Ovchinnikov, A. V., & Ershova, G. N. (2020). 1552 in the Network Society of the Republic of Tatarstan: the Social and Political Aspects of the Versions of the Historical Trauma. *Vlast' (The Authority)*, 28(4), 138–146. https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7448 (In Russian).

Shnirelman, V. A. (2003). *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. "Akademkniga.". (In Russian).

Sokolovsky, S. V. (2009). *Kryashen in the All-Russian Population Census of 2002*. "KryashIzdat". (In Russian).

Stashenkov, D. A., & Vyazov, L. A. (2022). Imenkov culture. In A. G. Sitdikov (Ed.), *Archaeology of the Volga-Urals in 7 volumes: Vol. 4. The Age of the Great Migration of Peoples* (pp. 364–386). Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).

Tatars of Ufa uyezd (materials of population censuses of 1722-1782): Reference edition. (2020). Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).

The Big Lie of the Historians of Bashkortostan: (To the Question of the Formation of the Estate of "Bashkir-Votchinniks" in the North-Western Urals). (2010). [Yaz]. (In Russian).

The gene pool of the Tatars: Historical and genetic study. Y-chromosome haplogroups. (2021). Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).